

Бригадина, О.В. «Жить стало лучше, жить стало веселей»: жилищно-бытовые условия жизни городского населения СССР в 1930-е гг. / О.В. Бригадина // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 9 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мн.: БДУ, 2014. – с. 142 – 156.

О. В. БРИГАДИНА

«ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ, ЖИТЬ СТАЛО ВЕСЕЛЕЙ»: ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1930-е гг.

На основе опубликованных исследований и исторических источников анализируются условия жизни городского населения СССР в 1930-е гг. Основное внимание обращено на причины и способы решения жилищной проблемы, деятельность государства по обеспечению продуктами питания в условиях нормированного распределения, настроение и поведение людей в условиях тотального дефицита.

Based on published research and historical sources, the article is devoted to the conditions of life of the urban population of the USSR in 1930. The author focuses on the causes and solutions to the housing problem, the activities of the State to provide food in a rationing system, as well as on mood and behavior of people in times of a total deficit.

Ключевые слова: повседневная жизнь, жилищная проблема, коммунальная квартира, карточная система, дефицит товаров, номенклатура.

Keywords: daily life, the housing problem, a communal apartment, rationing, shortages, the nomenclature.

Вопрос о том, хорошо или плохо жили советские люди в 1930-е гг., остается предметом дискуссии. В исследованиях 1930—50-х гг. преобладали выводы о положительных результатах деятельности политического руководства страны по организации быта и отдыха населения. В 1960—80-х гг. отношение к изучаемой проблеме стало более объек-

---

Брыгадзіна Вольга Васільеўна — дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.

тивным, но в целом специалисты полагали, что в конце 1930-х гг. уровень жизни был более высоким, чем в 1920-е гг. В современный период в историографии стал очевидным переход от «оптимистической» к «пессимистической» точке зрения относительно качества жизни населения в СССР [7, с. 71—72].

В предлагаемой статье предпринята попытка на основе историографических источников проанализировать «пути и способы, с помощью которых советские граждане пытались вести обычную жизнь в необычных условиях» [14, с. 7]. Акцент сделан на такие составляющие повседневной жизни человека, как обеспечение жильем, продуктами питания и товарами первой необходимости. Представляется также актуальным анализ стратегий поведения людей в условиях тотального дефицита.

Жилищный вопрос в СССР. В 1930-е гг. для любого советского человека самым актуальным аспектом повседневной жизни был жилищный вопрос. С 1928 по 1932 г. городское население страны увеличилось на 44 %. За пять лет число горожан возросло настолько же, насколько за предыдущие тридцать лет. Особенно это было заметно в Москве и Ленинграде. Об этом свидетельствуют материалы пленума ЦК ВКП (б) от 15 июня 1931 г.: «...На базе роста промышленности произошел быстрый рост населения Москвы до 2800 тыс. человек в 1931 г. против 1618 тыс. человек в 1912 г., что составляет рост на 73 %» [9, с. 313].

Несмотря на огромный прирост городского населения, жилищное строительство отставало в своем развитии. Большинство жилых зданий в городах после революции перешло в собственность государства. Распоряжались этим жилым фондом городские власти, которые определяли, сколько площади должно приходиться на каждого жильца квартиры. Так, например, в Москве в 1930 г. средняя норма жилплощади составляла 5,5 м² на человека, а в 1940 г. понизилась почти до 4 м². В новых и быстро развивающихся городах положение было еще хуже: в Магнитогорске и Иркутске норма была чуть меньше 4 м², а в Красноярске в 1933 г. — всего 3,4 м² [14, с. 88]. Одним из вариантов решения жилищной проблемы было так называемое «уплотнение». Городские жилотделы имели право выселять жильцов — например, тех, кто считался «классовыми врагами», — и подселять новых. Квартира, занятая одной семьей, могла превратиться в многосемейную или коммунальную. Причем новые жильцы, как правило, выходцы из рабочих и крестьян, были совершенно незнакомы старым жильцам, и это становилось причиной конфликтов. Жителям больших городов требовалось также

иметь вид на жительство, выдававшийся районными отделами органов внутренних дел. В домах с отдельными квартирами обязанность регистрировать жильцов была возложена на управдомов и правления кооперативов, которые следили за жильцами и работали осведомителями. В Москве и других крупных городах процветали всевозможные махинации с жильем: фиктивные браки и разводы, прописка чужих людей в качестве родственников, сдача в наем «коек и углов» по непомерным ценам: «до 50 % месячного заработка». В Москве в 1933 г. массовым явлением стало использование под жилье кочегарок, сторожек, подвалов и лестничных клеток. Известный историк в области славянских и восточноевропейских исследований Ш. Фитцпатрик описывает события, произошедшие в семьях Лебедевых и Диховых. Эти семьи проживали в коммунальных квартирах: «...привязанность Лебедевых к роскошной квартире площадью почти 22 м² в центре Москвы заставила их продолжать сожительство (вместе с их 18-летним сыном) в течение шести лет после развода, несмотря на столь плохие отношения, что их постоянно привлекали к суду за нанесение друг другу побоев... Порой физическое насилие заходило гораздо дальше. В Симферополе власти обнаружили в квартире семьи Диховых разлагающийся труп женщины. Она оказалась теткой Диховых, которую они убили, чтобы завладеть квартирой» [14, с. 119].

Жилищный кризис в Москве и Ленинграде был столь острым, что даже самые лучшие связи и социальный статус часто еще не гарантировали получения отдельной квартиры. В адрес местных, городских Советов и СНК СССР поступало много просьб и жалоб граждан на отсутствие подходящего жилья. Вот что писал в своем письме В. М. Молотову тридцатилетний ленинградский рабочий, пять лет проживший в коридоре: «Умоляю дать мне комнату или маленькую квартирку для построения в ней личной жизни, которая мне как воздух необходима...» Дети одной московской семьи из шести человек просили не вселять их в каморку под лестницей, без окон, общей площадью 6 м², т. е. по одному метру на человека [14, с. 123].

Обычный для советских городов 1930-х гг. тип жилья представляли собой коммунальные квартиры. Термин «коммунальный» нес в себе идеологический оттенок, вызывая в воображении картину коллективного социалистического общежития. Однако реальность разительно отличалась от этой картины. Большинство коммуналок в 1930-х гг. были переделаны из старых отдельных квартир. Вот как описывается одна из

них: «Водопровода в комнате не было; простынями или занавесками выгораживались уголки, где спали и сидели два-три поколения; продукты зимой вывешивались в мешках за окно. Общие раковины, уборные, ванны и кухонные приспособления (обычно всего лишь примусы, горелки и краны с холодной водой) располагались либо на ничейной территории между жилыми комнатами, либо внизу, в неотапливаемых, завешенных бельем сенях» [5, с. 168]. Каждая семья ревниво охраняла личное имущество, например кастрюли, сковородки, тарелки, хранившиеся в кухне — месте общего пользования. Строжайшим образом проводились «демаркационные линии». Семьи, живущие в больших комнатах, вызывали зависть тех, кто жил в маленьких. Это служило источником множества доносов и судебных исков, целью которых было увеличить жизненное пространство доносчика или истца за счет соседа. Одна затянущаяся склока такого рода описана в жалобе московской учительницы, муж которой был приговорен к восьми годам лишения свободы за контрреволюционную агитацию. Их семья (родители и двое сыновей) почти два десятка лет прожили в большой (42 м²) комнате в московской коммуналке. «...На протяжении всех этих лет наша комната была яблоком раздора для всех жильцов нашей квартиры», — писала учительница. Враждебно настроенные соседи преследовали их всеми возможными способами, в том числе писали доносы в разные местные инстанции. В результате семью сначала лишили прав, потом не выдали паспортов и, наконец, после ареста главы семьи, выселили [14, с. 51].

Жизнь в коммуналке, бок о бок с людьми разного происхождения, с самыми разными биографиями, чужими друг другу, но обязанными сообщать пользоваться квартирными удобствами и содержать их в чистоте, без права на уединение, постоянно на глазах у соседей, изматывала жильцов психически. Неудивительно, что сатирик М. М. Зощенко в одном своем рассказе назвал обитателей коммуналки «нервными людьми» [2, с. 179]. Перечень мрачных сторон жизни коммунальной квартиры нашел отражение в резолюции пленума ЦК ВКП (б) 1935 г., осуждающей «хулиганское поведение» в квартире, в том числе «устройство систематических попоек, сопровождающихся шумом, драками и площадной бранью, нанесение побоев, оскорблений, угрозы расправиться, пользоваться своим служебным или партийным положением, развратное поведение, национальную травлю, издевательство над личностью, учинение разных пакостей (выбрасывание чужих вещей из кухни и других мест

общего пользования, порча пищи, изготовляемой другими жильцами, чужих вещей и продуктов и т. п.)» [14, с. 90].

Наряду с этим во многих воспоминаниях приводятся примеры о взаимоотношениях среди соседей по коммуналке, живших как бы одной большой семьей. Одним из примеров могут быть воспоминания В. Г. Левиной: «...немного о нашей соседке Ефросинье Ефимовне; у нее было семеро детей и муж, тихий пьяница-парикмахер, у которого была еще одна страсть — чтение. Они занимали одну комнату в 20 м². К ним постоянно приезжали родственники из Твери и из Белоруссии и, как правило, оставались навсегда. На ночь на полу раскладывались сплошняком матрасы, и так они все спали. ...В кухне на столе часто стояла огромная квашня с тестом, и тот, кто был голоден, сам жарил себе оладьи на керосинке...» [5, с. 192]. В своих воспоминаниях В. Г. Левина приводит описание быта в коммунальных квартирах в Ленинграде: «...при каждом доме была общественная прачечная с большими котлами для кипячения белья, корытами и т. п. В квартирах белье не сушили, боялись сырости. Чердаки домов были разделены перегородками на секции с одним ключом для нескольких квартир. На верхней площадке нашей лестницы стоял огромный стол-каток для катания влажного белья перед глажением. Утюги были паровые, в которых красные угли подогревали емкость с водой, дающей пар; угольные — полые с продырявленными стенками для того, чтобы, покачивая утюг, можно было раздувать угли, лежащие внутри утюга; и сплошные чугунные, которые нагревались на огне до определенной температуры, обычно они работали в паре — одним гладили, другой подогревался» [5, с. 198].

В промышленных городах чаще всего жилье и коммунальные услуги предоставлялись предприятиями. Таким образом, неотъемлемой чертой жизни в СССР стали «ведомственные городки». Типичной для многих советских городов была проблема жилья в Магнитогорске: 82 % жилплощади (бараков или общежитий) принадлежало Магнитогорскому металлургическому комбинату. Одноэтажные бараки служили жильем для холостых рабочих и представляли обычную картину на городских окраинах. В общежития обычно селили студентов, а также молодых неженатых квалифицированных рабочих и служащих. В Магнитогорске в 1938 г. бараки составляли 47 % жилья, к этому следует прибавить 18 % землянок, крытых дерном, соломой и обрезками металла, построенных самими жильцами [13, с. 85]. Американский писатель Джон Скотт, живший в 1930-е гг. в Магнитогорске, описал сравнительно

«приличный» барак: «...низкое деревянное беленое здание, двойные стены проложены соломой. Крыша, крытая толем, по весне протекала. В бараке было тридцать комнат. В каждой жильцы установили маленькую кирпичную или железную печку, так что пока были дрова или уголь, комнаты можно было отапливать. Коридор с низким потолком освещался одной маленькой электрической лампочкой. В комнате на двух человек размером шесть на десять футов имелось одно маленькое окошко, которое заклеивали газетами, чтобы не дуло. Там стояли небольшой стол, маленькая кирпичная печка и трехногий табурет. Две железные койки были узкими и шаткими. На них не было пружинной сетки, только толстые доски лежали на железном каркасе. В бараках не было ванн, водопровода. Кухня имелась, но в ней жила одна семья, поэтому все готовили на своих печках...». Мужчины и женщины, как правило, жили в разных бараках или, по крайней мере, в разных общих комнатах. В самых больших бараках, на сто человек, часто проживали двести и более, на кроватях спали посменно [14, с. 124]. Такое перенаселение не было чем-то из ряда вон выходящим. В Москве в бараке, принадлежавшем крупному электрическому заводу, в 1932 г. обитали пятьсот пятьдесят человек: «...на каждого приходилось по два квадратных метра, места настолько не хватало, что пятьдесят человек спали на полу, а некоторые пользовались койками с соломенными матрасами по очереди» [14, с. 202]. Даже в Москве ведомственное жилье получило широкое распространение. Подтверждением этому является воспоминание жителя Москвы А. Макарова: «...Пацаном был, а помню. Жуткие бараки почти в пределах Садового кольца и толпу спекулянтов в Столешникове, и «воронки» по вечерам возле подъездов родного дома» [13, с. 121].

Вопрос обеспечения жильем элиты советского общества — партноменклатуры решался иначе. 23 ноября 1917 г. В. И. Ленин лично записал в постановлении СНК, что для наркомов «...квартиры допускаются не свыше одной комнаты на каждого члена семьи» [7, с. 38]. Следовательно, чем больше человек в семье наркома, тем большая квартира ему полагалась. В Кремле жили И. В. Сталин, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян и члены их семей. Апартаменты были довольно большими, но неудобными, комнаты в основном были проходными, с низкими потолками. Обычно кремлевские квартиры состояли из спален, по одной на каждого члена семьи, столовой, библиотеки, кабинета-спальни для главы семьи. Такой, например, была

квартира Сталиных. Она состояла из двух половин — «детской», на которой располагались четыре комнаты: спальни Василия и Светланы, общая столовая и библиотека, и второй половины, состоящей из анфилады комнат И. В. Сталина: комната адъютанта, столовая, библиотека, кабинет-спальня [1, с. 189]. Все казенные кремлевские квартиры казались их жильцам неуютными. Поэтому никто из членов семей партийной элиты не упускал случая как можно быстрее переехать в новую квартиру в домах высокой комфортности [13, с. 158]. Одним из них был «Дом на Набережной» по улице Серафимовича. Вот как он описывается очевидцами: «Здесь есть квартиры и маленькие, и очень большие, но все — просторные. И везде — почти одинаковые, крохотные кухоньки. Они не рассчитаны на то, чтобы готовить пищу. Для завтраков, обедов и ужинов в доме была запланирована общая столовая. В квартирах горячая и холодная вода, холодильные шкафы, телефоны, грузовой лифт для мусора...» [13, с. 171] «Правительственные» дома имели обширный штат услуги, который, как правило, содержался за государственный счет. По данным на 1934 г. дом ЦИК-СНК на Берсеневской набережной обслуживали 137 вахтеров, 20 уборщиц, 8 уборщиков мусора, 40 дворников, 3 садовника, пожарная охрана из 38 человек, 4 коменданта, 35 слесарей, 25 электромонтеров, 6 полотеров, 7 шоферов, 6 механиков по лифтам, 7 врачей и сестринский персонал [1, с. 190]. Зачастую в таких домах располагался свой закрытый спецраспределитель и гараж. Квартирплата составляла чисто условную сумму. Квартиры выдавались семьям государственных деятелей из расчета одна комната на человека плюс кабинет и столовая или гостиная.

Помимо квартир в городе членам партноменклатуры и их семьям полагались также государственные дачи. Они, как и квартиры, не являлись собственностью партии, а принадлежали государству и содержались за государственный счет. В зависимости от ранга и заслуг номенклатура получала загородные дома на курортах в Крыму и на Кавказе. Отдых на госдаче или в санатории постепенно стал традицией практически для всех ответственных работников и их семей. Госдачей можно было пользоваться в течение всего летнего сезона. Находились они в удобно расположенном и обнесённом высоким забором дачном поселке. Здесь были закрытые спецмагазины, спецстоловые, кино, библиотека, спортивная площадка. Плата за дачу была минимальной [1, с. 198].

Советское государство в 1930-е гг. выстроило четкую иерархию взаимоотношений. С учетом сокращения удельного веса владельцев соб-

ственного жилья произошло ухудшение качественных характеристик жилищного фонда для большинства рабочих крупной промышленности СССР при заметном улучшении условий жизни отдельных представителей интеллигенции и партийной элиты.

Нормированное снабжение продуктами питания. В конце 1920-х гг. отказ от НЭПа резко обострил продовольственную проблему в стране. В 1932—1933 гг. все основные хлебобродные районы поразил голод, который унес по меньшей мере 3—4 млн жизней и на несколько лет повлиял на рождаемость. Хотя политика государства была направлена на то, чтобы обеспечить городское население, смертность росла, рождаемость падала, потребление мяса и сала на человека составляло в 1932 г. меньше трети от того, что было в 1928 г. Для большей части городского населения вся жизнь вертелась вокруг бесконечной борьбы за самое необходимое — еду, одежду, крышу над головой. В 1933 г. в средней рабочей семье в Москве в рационе практически отсутствовали жиры, было мало молока и фруктов, а мяса и рыбы — всего лишь пятая часть от нормы потребления на рубеже столетия [12, с. 77]. В 1935 г. положение несколько улучшилось, но неурожай 1936 г. породил новые проблемы: бегство крестьян из колхозов и длинные очереди за хлебом в городах весной и летом 1937 г. Самый высокий урожай, надолго сохранившийся в народной памяти, был собран осенью 1937 года. Однако предвоенные годы принесли с собой еще большее падение уровня жизни.

В условиях острого дефицита ресурсов государство неизбежно должно было расставить приоритеты в снабжении. В соответствии с проводимым курсом на ускоренную индустриализацию, а также определением Советского государства как государства диктатуры пролетариата привилегированным классом в снабжении был объявлен пролетариат. Была восстановлена карточная система распределения, которая явилась не только следствием политики форсированной индустриализации, но и одним из средств ее осуществления. Важнейшей целью карточного снабжения, оправдывающей его введение, была необходимость приоритетного и стабильного снабжения городов и населения, занятого в промышленном производстве.

Отпуск населению хлеба по карточкам был начат с городов Украины — Одесса, затем Мариуполь, Херсон, Киев, Днепропетровск... К началу 1929 г. карточная система была введена во всех городах СССР. В Москве это произошло в последнюю очередь, фактически в марте 1929 г. Начавшись с хлеба, нормированное распределение было распро-

странено и на другие дефицитные продукты (сахар, мясо, масло, чай и пр.), а к середине 1931 г. — и на промышленные товары. В 1932—1933 гг. были введены даже карточки на картофель. Место торговли заняло отоваривание по «заборным документам» и ордерам через закрытые распределители (ЗР), закрытые рабочие кооперативы (ЗРК), отделы рабочего снабжения (ОРСы) [11, с. 94]. «Заборные документы» не получали только лица, лишённые избирательных прав. Каждая область имела свою форму и порядок выдачи карточек. В Москве это были семейные книжки. Однако в условиях продовольственного кризиса установленные на местах нормы снабжения не выполнялись. Власти старались гарантировать в первую очередь снабжение индустриальных центров: появились постановления о снабжении Москвы, Ленинграда, Донбасса. При определении групп и норм снабжения первоначально решающую роль сыграл идеологический и экономический момент — ставка на «класс-гегемон». Было установлено 4 группы снабжения: рабочие-пайщики потребительской кооперации (I), рабочие, не являющиеся пайщиками (II), прочие трудящиеся — пайщики (служащие, члены семей рабочих и служащих, кустари, лица свободных профессий) (III), прочие трудящиеся — не пайщики (IV) [11, с. 127]. Однако практика снабжения в 1929—1930 гг. показала, что правительство было не в состоянии выдержать установленный ассортимент и нормы снабжения населения. Политсводка Секретариата СНК СССР по приему заявлений и жалоб свидетельствует о том, что продовольственные трудности были основными причинами недовольства населения. Представители местных властей (окружкомы, торговделы) подтверждали, что недоброкачественная продукция, низкие нормы, пайки выдаются с опозданием, нет четкости в определении категорий снабжения. Пришедшие за пайками люди слышали ответ: «Не ходите и ноги не сбивайте. Хлеба нет для местного снабжения. Кто где хочет, пусть там и берет». Реальное положение со снабжением на местах описано в письме мобилизованных на работу в Сибирь: «...в магазинах, кроме селедки, свежей рыбы, сахара и чая, ничего не было» [12, с. 53].

Став монополистом в снабжении, государство не справлялось даже с обеспечением рабочего класса. В мае 1930 г. нарком продовольствия А. И. Микоян получил служебную записку из Киева: «Мяса не выдаем по карточкам никому вот уже вторую неделю, рыбы к нам не завозят, картофель на исходе, свободных запасов муки и зерна для снабжения Киева осталось на 4—5 дней... настроение рабочих повышенное» [11,

с. 107]. Стало ясно, что равное снабжение рабочих невозможно. В конце 1930 г. решением ЦК ВКП (б) было установлено сначала два, а с 1931 г. четыре списка городов, подлежащих централизованному снабжению [11, с. 110]. Начался новый этап карточного распределения. Право преимущественного и первоочередного снабжения по карточкам имели рабочие особого и первого списков, в которые вошли ведущие индустриальные объекты (предприятия Москвы, Ленинграда, Баку, Донбасса, Караганды, Восточной Сибири, Дальнего Востока и Урала). Рабочие второго и третьего списков покупали только часть товаров по карточкам. Они обеспечивались централизованным снабжением по хлебу, сахару, крупе, рыбе, остальное — за счет местных ресурсов.

Дальнейшая дифференциация снабжения была связана с Постановлением Пленума ЦК ВКП(б) «О народнохозяйственном плане на 1931 г.» (декабрь 1930 г.). В соответствии с ним все трудящееся городское население было разделено на группы по классово-производственному признаку. В первую группу снабжения входили рабочие, которые, в свою очередь, делились на индустриальных и прочих. К индустриальным помимо рабочих фабрично-заводских предприятий, а также рабочих транспорта и связи были отнесены: инженерно-технический персонал на производстве, комполитсостав Красной Армии и Флота, войск ОГПУ, строевой состав милиции, оперативные работники УГРО, ученики и преподаватели школ, ФЗУ. К прочим, кроме незанятых в промышленном производстве, относились кустари, учащиеся и преподаватели индустриальных вузов и техникумов. Вторую социальную группу снабжения составили служащие, а также члены семей рабочих и служащих, лица свободных профессий. Третью группу — дети до 14 лет [10, с. 329].

В 1931 г. появились первые постановления о снабжении интеллигенции, в частности врачей и учителей. Они устанавливали, что снабжение этих групп населения должно зависеть от того, где они проживают и кто пользуется их услугами. В городах врачи и учителя должны были получать нормы индустриальных рабочих того списка, к которому относился данный город. Централизованное карточное снабжение не распространялось на лиц, лишенных избирательных прав, и на незанятых «общественнополезным трудом». К ним были отнесены арендаторы, владельцы контор, бюро, частные маклеры, торговцы, а также те, кто лишь год назад сменил «нетрудовое занятие» на трудовое. Для этих семей было разрешено выдавать продуктовые карточки только детям [11, с. 126].

Для снабжения ответственных работников центрального партийно-государственного аппарата, приравненных к рабочим 1-й категории, создавалась сеть специальных закрытых распределителей. Месячные нормы в конце 1931 г. составили: 2 кг мяса, 3 кг колбасы, рыба и сельдь — 5 кг, 0,5 кг кетовой икры, 5 банок консервов, по 1 кг жиров и сыра, 30 л молока, 10 штук яиц, по 1,5 кг сахара и сухофруктов. Кисломолочные продукты продавались без ограничения [11, с. 137]. В правительственных распределителях ассортимент был еще лучше, а нормы в 1,5—2 раза больше норм ответственных работников. К числу наиболее престижных относились распределители № 1, № 6 Мосторга. В магазине, который обслуживал живущих в Доме правительства на Болотной площади, месячные нормы снабжения в 1932 г. составили: 8 кг рыбы (общая стоимость 2 руб. 75 коп.), 4 кг колбасы (5 руб.), 3 кг сахара (1 руб. 25 коп.), 1 кг кетовой икры (9 руб.) и т. д. Весь паек стоил 147 руб. 14 коп. При этом норма мяса была установлена 4 кг (общая стоимость 1 руб. 45 коп.). К концу 1932 г. такую норму мяса имели работающие на путине, норма индустриальных рабочих была 2 кг, шахтеров Донбасса и бурильщиков на нефтяных разработках — 3 кг в месяц. Кроме этого, без ограничения продавались птица, молочные продукты, овощи, фрукты, кондитерские изделия [12, с. 145]. Руководящие работники центрального аппарата имели также свое особое «общественное» питание. Нормы расхода мяса в столовых для руководящих работников Московской области в 1931 г. устанавливалась из расчета 4,5 кг в месяц на человека [11, с. 147].

Распределительная политика периода карточной системы отразила особое положение партийно-государственного руководства в обществе. С другой стороны, нормированное снабжение было элементом карательной системы. Государство использовало свою монополию в снабжении для того, чтобы наказывать голодом «провинившихся».

Стратегии выживания в условиях дефицита. Дефицит товаров стал неотъемлемой чертой советской экономики. В 1930-е гг. люди не говорили «купить», а говорили «достать». На случай если попадется что-нибудь из дефицитных товаров, люди ходили с сетками, прославившимися под названием «авоськи». Завидев очередь, они пристраивались в нее и, лишь заняв свое место, спрашивали, зачем она стоит. В этой связи любопытны наблюдения А. Литвиновой, жены наркома иностранных дел М. Литвинова. По ее собственному признанию, она думала, что в революционной России «...идеи» — это все, а «вещи» — ничто. Но, «гу-

ляя по улицам Москвы и заглядывая в окна на первом этаже, я увидела беспорядочно набитые во все углы вещи и поняла, что они никогда еще столько не значили» [14, с. 72].

Когда в 1929— 1930 гг. впервые начались перебои с продовольствием и появились очереди за хлебом, население было встревожено и возмущено. Вот цитата из обзора читательских писем в «Правду», подготовленного для партийного руководства: «В чем выражается недовольство? Во-первых, в том, что рабочий голодный, не употребляет никаких жиров, хлеб — суррогат, который невозможно кушать... Обычное явление, что жена рабочего стоит в очереди по целым дням, придет муж с работы, а обед не готов, и тут все ругань на советскую власть. В очередях шум, крик и драка, ругань по адресу советской власти» [3, с. 78].

Наиболее серьезный и широкомасштабный рецидив хлебных очередей наблюдался зимой 1936/37 гг. Еще в ноябре 1936 г. сообщалось о нехватке хлеба в городах Воронежской области, вызванной якобы наплывом крестьян, приезжающих за хлебом в город. В Западной Сибири зимой люди стояли за хлебом с 2 часов ночи. Из Пензы мать писала дочери: «У нас ужасная паника с хлебом. Тысячи крестьян ночуют у хлебных ларьков, за 200 километров приезжают в Пензу за хлебом, прямо неопикуемый ужас. ...В магазине стекла перебили, дверь сломали». В деревне было еще хуже. «Мы стоим в очереди за хлебом с 12 часов ночи, а дают только по килограмму, даже если умираешь с голоду, — писала мужу женщина из ярославского колхоза. — Два дня ходим голодные... Все колхозники стоят за хлебом, и сцены бывают ужасные — люди давятся, многих зашибли. Пришли чего-нибудь, не то умрем с голоду» [12, с. 94].

Дефицит не ограничивался хлебом. Не лучше было положение с основными продуктами питания: мясом, молоком, маслом, овощами, не говоря уже о таких необходимых вещах, как соль, мыло, керосин и спички. Не хватало одежды, обуви и различных потребительских товаров. Такое положение вещей отражало как приоритеты государственного производства, строго ориентированного на тяжелую промышленность, так и последствия уничтожения ремесел и кустарной промышленности. В конце 1930-х гг., так же как и в начале, постоянно говорили об острой нехватке одежды, обуви, текстильной продукции: в Ленинграде собирались очереди по 6000 чел. По сообщениям НКВД, к одному обувному магазину в центре Ленинграда выстраивались такие длинные очереди, что они мешали уличному движению, а окна магазина были выбиты в давку [4, с. 68].

Постоянной темой жалоб служило плохое качество немногих доступных товаров. Одежда была скроена и сшита небрежно, у кастрюль отваливались ручки, спички не желали зажигаться, в хлебе, испеченном из муки с примесями, попадались чужеродные предметы. Невозможно было починить одежду, обувь, домашнюю утварь, найти слесаря, чтобы сменить замок, или маляра покрасить стену. В розничной торговле больше нельзя было купить ни краски, ни гвоздей, ни досок, нужных для домашнего ремонта. В случае острой необходимости все это приходилось красть с государственного предприятия или стройки.

В 1936 г. была вновь легализована частная практика в таких сферах, как починка обуви, столярное и плотницкое дело, пошив одежды, парикмахерские услуги, стирка белья, металлоремонт, фотография, починка водопровода и обойные работы, что незначительно улучшило ситуацию. Частникам разрешили брать учеников, но они могли работать лишь на заказ, а не для продажи. Заказчик должен был приходиться с собственным материалом (т. е. чтобы сшить костюм у портного, нужно было принести свою ткань, нитки и пуговицы). Другие виды кустарного промысла, в том числе почти все, связанные с производством продуктов питания, оставались под запретом. Хлебопекарное дело, изготовление колбас и прочих пищевых изделий были исключены из сферы законной частной трудовой деятельности. Крестьянам разрешалось торговать на рынке домашними изделиями в специально отведенных местах. В. Г. Левина в своих воспоминаниях пишет: «Большого разнообразия продуктов на рынке не было. На Петроградской стороне работал магазин конины, главным потребителем которой были татары... Мы тоже ее употребляли, хотя это мясо было жестким и его предварительно вымачивали в воде с уксусом. Мы имели с рынком постоянные отношения, обменивая на молоко лишний хлеб, который в те годы выдавался по карточкам» [5, с. 58].

Большинству рядовых наемных работников колхозный рынок был не по карману, и они ходили туда только по особым случаям. Цены колхозного рынка были выше, чем в обычных государственных магазинах, а иногда — чем в коммерческих. В 1932 г. мясо на московских рынках стоило 10—11 руб. за килограмм, тогда как в обычных магазинах — 2 руб.; картошка — 1 руб. за килограмм (в магазине — 18 коп.) [14, с. 91]. В середине 1930-х гг. разница цен несколько сгладилась, но все же оставалась значительной и всегда готова была возрасти при малейших перебох в снабжении.

С 1930 по 1936 г. в СССР были открыты магазины Торгсина, торговавшие дефицитными товарами за иностранную валюту, золото, серебро и прочие ценности. Магазины Торгсина отличались тем, что были открыты для любого гражданина, имевшего средства. Цель — пополнить советские запасы твердой валюты, чтобы дать стране возможность импортировать больше техники для индустриализации. Цены Торгсина были невысоки (ниже «коммерческих» и цен колхозного рынка), но советскому гражданину покупки в Торгсине обходились дорого, ибо ему приходилось жертвовать либо остатками фамильного серебра, либо золотыми часами и собственным обручальным кольцом. Некоторые из центральных магазинов Торгсина, особенно московский магазин на улице Горького, возникший на месте прославленного «Елисеевского» гастронома, отличались роскошной обстановкой и пышным убранством.

«Коммерческими» первоначально назывались государственные магазины, в которых по более высоким ценам продавались товары без карточек. Как легальные торговые учреждения они появились в конце 1929 г. Сначала там торговали одеждой, хлопчатобумажными и шерстяными тканями, но скоро ассортимент расширился, стал включать как шикарные деликатесы вроде копченой рыбы и икры, так и более насущные товары: водку, сигареты, основные продукты питания. В период карточной системы коммерческие цены, как правило, вдвое-вчетверо превышали цены на товары, отпускаемые по карточкам. Так, например, в 1931 г. туфли, стоившие в обычном магазине 11—12 руб., в коммерческом — 30—40 руб.; брюки в обычном магазине продавались за 9 руб., в коммерческом — за 17 руб. Сыр в коммерческом магазине был дороже вдвое, сахар — более чем в восемь раз. В 1932 г. коммерческие магазины дали десятую часть всего розничного оборота. К 1934 г., после значительного уменьшения разницы между коммерческими и обычными ценами, их доля возросла до одной четвертой части [11, с. 161].

Приобрести товары любого рода, от туфель до квартир, по официальным государственным каналам распределения было крайне трудно. Во-первых, товаров просто не хватало. Во-вторых, ведомства, распределявшие их, делали это исключительно неэффективно и были насквозь коррумпированы. Дефицит создавал условия для спекуляции. Советское руководство называло «спекуляцией» любое приобретение товаров для перепродажи по более высокой цене и рассматривало подобные действия как преступление. По мнению историка Л. Люкса, «...и спекуляция, и моральное осуждение ее крайне прочно утвердились в

Советской России» [6, с. 119]. Дефицит продовольствия и товаров, ставший следствием политики государства, в итоге привел к формированию различных стратегий выживания советских граждан и пассивным формам протеста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Богословская М. В.* Повседневная жизнь советской элиты в 1920—1930 гг. / Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций : сб. ст. / ред. Н. И. Басовская. М. : РГГУ, 2009. 215 с.
2. *Зощенко М. М.* Рассказы. Фельетоны. Повести. М. : Высш. шк., 1979. 360 с.
3. *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих России. М. : Наука, 1979. 208 с.
4. *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920—1930 годов. СПб. : Изд.-торг. дом «Летний сад», 1999. 290 с.
5. *Левина В. Г.* «Я помню... Заметки ленинградки». СПб. : Нестор-история, 2007. 265 с.
6. *Люкс Л.* История России и Советского Союза: от Ленина до Ельцина М. : РОССПЭН, 2009. 305 с.
7. *Нефедов С. А.* Продовольственное потребление советских трудящихся в 1930-е годы // Опросы истории. 2012. № 12. С. 71—78.
8. О московском городском хозяйстве и развитии городского хозяйства СССР: материалы пленума ЦК ВКП(б), 15 июня 1931г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1929—1932 гг. М. : Политиздат, 1984. Т. 5. С. 313—337.
9. О народнохозяйственном плане на 1931 год: постановление ЦК ВКП(б), 1930 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1925—1953. М. : Госполитиздат, 1953. Ч. 2. С. 329.
10. О размерах вознаграждений народных комиссаров, высших служащих и чиновников: постановление СНК, 23 нояб. 1917 г. // Собр. узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 38.
11. *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. М. : РОССПЭН, 2008. 380 с.
12. *Осокина Е. А.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928—1935 гг. М. : Изд-во МГУ, 1993. 400 с.
13. *Утехин И.* Очерки коммунального рая. М. : Вагриус, 2004. 290 с.
14. *Фитцпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е гг.: город. М. : РОССПЭН, 2008. 450 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 12 чэрвеня 2013 г.